№ 8. 17-е ФЕВРАЛЯ 1878 ГОДА. ГОДЪ XX.

Джонъ Булль. Вотъ еще бы немножко и я бы перетянулъ...

Имянины

(сцены изъ русско-нѣмецкой жизни).

„И кончился пиръ
ихъ бѣдою".
Жуковскій.

У управляющаго богатаго фабриканта нѣмца въ Москвѣ, Христіана Ивановича Шенкеля, былъ вечеръ. Его благовѣрная Анна Карловна праздновала сороковой годъ своего рожденія.

Самъ Христіанъ Ивановичъ торжественно расхаживалъ и поджидалъ гостей. Онъ хотѣлъ блеснуть своимъ гостепріимствомъ передъ своими знакомыми, которыхъ пригласилъ, и потому все время твердилъ женѣ:

— Анхенъ, сдѣлай угошшеній все равно какъ уфъ русскій имянинницъ. Штобъ булъ все. Ми своимъ сосѣди покашемъ, што ми тоже свой кошелька не жалѣемъ. Однимъ слово, штобъ булъ все. Нѣсколько русскимъ шеловѣкъ мы приготовимъ водки, а нашимъ нѣмецкимъ знакомство больше пивъ.

Какъ видите, Христіанъ Ивановичъ хотѣлъ блеснуть на славу, и дѣйствительно, начиная съ двѣнадцати часовъ дня, Анхенъ только и бѣгала изъ столовой въ кухню и обратно и наказывала кухаркѣ:

— Ти слюшай: шарь индюшки карашо и штобъ онъ не подгорѣлся и не булъ бы очень сирой... Пожалуста вынимай изъ печка колбаски и смотри, чтобъ онъ не очень поджаривалъ... И гдѣ же перецъ? Гдѣ же перецъ?... Каролине! Каролинхенъ! —звала Анна Карловна свою младшую сестру,—не забивай маринованный силетка и каперсъ взять.—Ахъ, мейнъ Готъ! Я завсѣмъ позабила, сладково пирогъ пора вынимать! Скорѣй! А гдѣ наши чайный крендельки? Питрушка! Питрушка!

— Чего-съ? откликается мальчишка фабричный изъ сѣней.

— Иди скорѣй суда!

— Я самоваръ чищу!

— Иди, скорѣй иди!

— Что прикажете?

— Полѣзай на шкапу, снимай тамъ малиново варенье, только пожалуйста не раскачивай банке.

Мальчикъ лѣзетъ и достаетъ варенье.

— Погоди, зашемъ ти своего носъ не утираешь? А? Ти долшенъ вечеромъ гости кушить подавать и такой замаралъ, такой маленькій и замарался; иди шисть самоваръ и послѣ ступай умивай себѣ своего лица, а то ти больше трубошистъ, шѣмъ хорошій мальшикъ... Иди.

Изъ этихъ распоряженій читатель видитъ, что Христіанъ Ивановичъ устраивалъ вечеръ не на шутку, и дѣйствительно перечень гостей доказывалъ, что Анна Карловна и Христіанъ Ивановичъ не кого нибудь пригласили. Кстати сказать, какъ супругъ, такъ и благовѣрная, живя около десяти лѣтъ въ Россіи, старались подлѣлываться какъ разговоромъ, такъ и всею жизнію подъ все русское, или лучше сказать, московское и я положительно увѣренъ, что еще лѣтъ черезъ пятнадцать вы не узнаете ни Христіана Ивановича Шенкель изъ Альтенбурга, ни Анны Карловны изъ Штутгарта, а скорѣе примете ихъ за московскихъ старожиловъ. Дѣтей у нихъ, къ искреннему сожалѣнію Христіана Ивановича, не было и всѣ ихъ попеченія обращались на сестру Анны Карловны Каролину, дѣвушку лѣтъ около 24-хъ, довольно смазливую собою, съ невыразимо голубыми глазами и свѣтло-сѣрыми волосами. Христіанъ Ивановичъ ее иначе не называлъ, какъ: «мой голубой глазовой душке», или «Каролиночке кораловій губочки»...

Итакъ я уже сказалъ, что перечень гостей доказывалъ не шуточную вечеринку, а кое-что серьозное.

За два дня до дня рожденія жены, Христіанъ Ивановичъ, сидя въ халатѣ за кофе, разсуждалъ съ женой, кого пригласить, конечно объясняясь по-русски.

— Я думалъ, што Петръ Антонишъ Зегельке надо непремѣнно звать съ его жина и его двоюродный братъ, машинистъ на Рязанскій дорога. Иванъ Ѳомичъ тоже... Густавъ Карловишъ, кожаный торговецъ съ своего синомъ надо... Луи Симоничъ Кессель съ женой и сестра... Андрей Ильишъ, бухгалтеръ отъ пивной заводъ, Эдуардъ Василишъ, аптекарь, а докторъ Бруно Ѳедоровичъ — это уже непремѣнно... Ишшо Иванъ Петровичъ Колошинъ, купецъ изъ Ножеваго линія, Степанъ Степановичъ, изъ мускательсково линій, они для русскаго компаніи непремѣнно нужны... Купецъ, который съ бумагой торгуетъ, господинъ Толстопятовъ, онъ непремѣнно обѣщался на фортепіано играть этотъ разъ. Потомъ кого еще? А! завсѣмъ забилъ: нашъ главный мастеръ Филиппъ Филиппишъ съ своимъ семейства...

—

Наступилъ день имянинъ. Христіанъ Ивановичъ, одѣтый въ черный сюртукъ, вооруженный очками, расхаживалъ у стола и приглядывался то къ одной бутылкѣ, то къ другой, то поправитъ салфетку, то вилку, то поженъ сдвинетъ въ кучку разложенную закуску, то снова раздвинетъ.

— Анхенъ! который часъ на твоего часы?

— Теперь уже скоро будетъ бить восемь.

— Отчиво никто не приходитъ? Уди-ви-тель-но!

— Отчиво? Ахъ, Христiанъ Ивановичъ, никто не хочетъ приходить первый. Это у всякомъ благороднаго опшество такъ. Да!

Христiанъ Ивановичъ сказалъ только: гмъ! и опять сталъ расхаживать по комнатѣ, напѣвая русскую пѣсню, слышанную имъ отъ арфистки нѣмки, которая играла у нихъ подъ окнами на дачѣ въ Богородскомъ:

«Я фасъ лупилъ, луповь бить можетъ»...

и затѣмъ переходилъ въ другой мотивъ нѣмецкой пѣсни:

An der Berliner Bruecke—
I, lo, la, la!

— Анхенъ! Знаешь шиво, — наконецъ произнесъ Христiанъ Ивановичъ, — будемъ сами на пошипъ пить ein Schnaps! А? Промежду тово, какъ гостей придетъ, я буду поздравляйть тебѣ съ твоего новорожденiю.

— Ахъ, ти такой шалунъ, глюпiй! Ну, ну, пей, толко закуски не разбросай, штобъ послѣ хорошо лежало для гостей... Пей!

Христiанъ Ивановичъ выпилъ рюмку водки и не преминулъ поздравить Анну Карловну, сказавъ ей:

— Дай вамъ Богъ фъ будушнiй годъ тоже бить здоровы и со своего семейства!

— Danke schoen, сказала по нѣмецки Анна Карловна и прибавила уже по русски: — не стоитъ благодарностей... ахъ, нѣтъ, я хотѣла сказать...

Въ это время раздался звонокъ и Анна Карловна быстро вскочила, стала оправлять на себѣ платье и ушла въ гостиную.

Вошедшiй гость былъ машинистъ съ Рязанской дороги Иванъ Ѳомичъ; онъ былъ огромнаго роста съ рыжей бородой и громадными руками, сплошь покрытыми мозолями.

Сильнымъ басомъ онъ началъ свое привѣтствiе:

— Какъ поживаете, мой добрый Христiанъ Ивановичъ? Гдѣ же имянинница? А! вотъ! Поздравляю васъ и желаю вамъ, Анна Карловна, всегда имѣть у всего шастiй и благополученiй...

Затѣмъ онъ расшаркнулся и былъ увлеченъ Христiаномъ Ивановичемъ подъ руку къ столу съ закуской.

— Was trinken sie eigentlich? спросилъ хозяинъ. — Што ви пьете?

— О, постоянно шнапсъ, очищенный, русски.

— Я вижу, ви себѣ совсѣмъ какъ я веду, Иванъ Ѳомичъ, я тоже только этото истребляю.

Хозяинъ и гость чокнулись и выпили.

Часамъ къ девяти гости уже почти всѣ собрались и частью разговаривали, частью курили. Въ одномъ углу сидѣлъ пасмурный нѣмецъ, Густабъ Карловичъ, котораго Христiанъ Ивановичъ назвалъ кожапымъ фабрикантомъ и, потягивая изъ кружки пиво, разсуждалъ съ сосѣдомъ, русскимъ торговцемъ, о тяжелыхъ временахъ и о политикѣ.

Густавъ Карловичъ старался говорить по-русски, но какъ только произносилъ фразу по-нѣмецки, тотчасъ же переводилъ ее по-русски.

— Sie wissen, ви знаете, что ми, нѣмецкiй народъ, ми ошень васъ русски лубимъ и нашъ Бисмаркъ ist auch ein grosser Freund, тоже большой товарищъ для руссково.

— Господи! За что же насъ теперича не любить-съ? Нѣшто мы этого не стоимъ-съ? Разсудите сами-съ... Какъ васъ по батюшкѣ, позабылъ?

— Шиво?

— Я говорю: какъ васъ зовутъ-съ?

— О! Густавъ Карловишъ.

— Такъ вотъ-съ, Густавъ Карловичъ, говорю я, теперь ваши нѣмцы какъ у насъ приняты, — любо! Гдѣ директоръ, гдѣ бухгалтеръ, гдѣ другую важную должность занимаетъ. Стало быть теперича какъ хошь крой, а намъ вы тоже-съ много обязаны. Теперича я даже многихъ нѣмцевъ знаю, которые конкурснымъ дѣломъ занимаются, а ужь тутъ мы тоже безъ довѣрiя къ человѣку не обратимся. Потому разсудите, что вдругъ эдакое коммерческое дѣло поручишь другому, а онъ тебя продастъ... Такъ я говорю?

— Да! Sie haben Recht, ви совершенно правы, но теперь уфъ этотъ тяжолiй время очень тяжело дѣла сдѣлать. Besonders mit Lederwaaren, въ особливости съ кожаново товаромъ. Эти просто ушасной кризисъ... Ходишь, ходишь въ лафкѣ и ничего себѣ не можешь торговайтъ...

— Ну, ничего-съ! Богъ дастъ поправимся, утѣшаетъ сосѣдъ русскiй. — Ежели намъ теперича на Бога не надѣяться, на Его милосердiе, это бы послѣднее дѣло было... Пожалуйте по рюмочкѣ пропустимте, а?

— Нэтъ! Я уже довольно пивъ пилъ.

— Ну, вотъ, пойдемъ! Право! Веселѣй будетъ!

— Развѣ для такого прiятново компанiи, выражаетъ нѣмецъ и идетъ къ столу.

— А?! Вы хочете выпить, издали кричитъ хозяинъ, — погодите, мы всѣ гурьбомъ пойдемъ. Meine Herrn, kommen sie... Пожалуста!

Послѣ совершоннаго возлiянiя, гости разсаживаются играть въ карты. Въ стуколку сѣли играть: Густавъ Карлычъ, Петръ Антоновичъ Зегельке, бухгалтеръ Андрей Ильичъ, аптекарь и двое изъ русскихъ гостей, остальные размѣстились у преферанскаго стола за исключенiемъ машиниста и еще другаго долговязаго нѣмца, которые должны были занимать дамъ и хозяйку или какъ гово-

рилъ машинистъ: «Mit den Damen sich unterhalten, т. е. имѣть для поддержки разговоръ для дамы...»

Разговоръ этотъ обыкновенно былъ научно-философическій, для простыхъ смертныхъ недосягаемый.

— Das Leben eines jeden Menschen, жизнь каждово шеловэка зависитъ отъ очень маленького предметъ. Гегель каврилъ, што... или нэтъ это не Гегель каврилъ, это сказалъ.... So! so! es ist aus der Geschichte der Griechen, это изъ исторіи отъ грековъ, што у каждово шеловѣка виситъ дамокла.... какъ это.... по русски Schwert... ахъ да шпага... у каждово виситъ дамокла шпага надъ головой и ми сами не знаемъ, когда ми умремъ на этомъ свѣтѣ.

— Да! протягиваетъ долговязый нѣмецъ,—это ферно! Das Schiksal des Menschen, шеловѣческій сутьба никому не будетъ извѣстно шѣмъ онъ кончался. Шитали ви, Каролина Карловна,—обратился онъ съ улыбкой къ сестрѣ хозяйки,—одинъ звѣсный нѣмецкій писатель написалъ: Das Leben auf der Erde und die Erde im Leben, то-есть жизнь на землѣ и земля на жизни? О! замѣшательный сочиненія... Тамъ много есть ученыя слова, напримѣръ...

— Анна Карловна, пошомъ ви брали этотъ мебельной матерія? вдругъ прерываетъ одна изъ гостей оратора.

— Совсѣмъ пошти что даромъ; на Ѳоминовой недѣлѣ я платилъ одинъ рубль и гривенникъ серебра за аршинъ.

Между тѣмъ играющіе въ другой комнатѣ, совершивъ нѣсколько путешествій къ столу съ закусками и виномъ, болѣе оживленно играли.

— Зашѣмъ ви не ходилъ съ тузомъ, Эдуардъ Василичъ?

— Зашѣмъ? потому я думалъ, што ви пойдете съ маленькимъ козырь.

— Это завсѣмъ не ваше дѣло, какъ я ходилъ, а ви должны ходитъ по правилу.

— У мине свой правилъ, я такъ и пошолъ.

— Да! А за того я становилъ ремизъ! Нэтъ, ви пожалуста ходитэ другой разъ по нашему правилу, потому ви знаете русской пословицъ: «въ чужой пароходъ со своимъ суставомъ не ходятъ», а ви...

— Meine Herrn! прерываетъ хозяинъ.—Пожалуйста!

— Играю восемь шервей! Што, испугался? Посвольте сюда по увзатки. Такъ! Ишшо, ишшо!

— Ну это же, Бруно Ѳедоровичъ, какъ говорятъ, безбожно ви бирете взатки, все равно какъ наши солдаты турецкаго въ плѣнъ...

— Нишего! Ми ихъ послѣ изъ плѣну выпустимъ.

— А сколько весь ремизъ? раздается за другимъ столомъ.

— Ремизъ [illegible] три [illegible] патрета.

— Шево такое?

— Я говорю три пятерки... пятьнадцать цѣлковыхъ.

— А? да! Я не пошелъ!

— Густавъ Карлишь! смотрите моего карты, можно кадить?

— Ïссъ! Канешно! Надо покупайтъ!

— Ви знаете, Христіанъ Ивановичъ, на прошедшаго недѣли, я у барона Эдуарда Ильиша, знаете съ бумажново фабрики директоръ, выигралъ восемьнадцать рублей въ одинъ пулька по одинъ четверть копейки. Ну, я вамъ скашу, онъ играетъ!... О! Удивительно!...

— Господа, снова прерываетъ хозяинъ,—я думаю што еще по одного рюмочки?... Пожалуста!

— Нѣтъ, мой добрій Христіанъ Ивановичъ, я не могу.

— Почему же, Густавъ Карловичъ?

— Ви забиваете, что сказано въ писанній: не напивайтесь съ виномъ, потому ви можете заблудиться...

— О! Ми васъ прямо домой со своего дворникъ отправимъ!... Пожалуйте!...

— Ну-ка, сосѣдъ, какъ тебя, сдавай-ка! Очинно ты, братецъ, сдавать мастеръ, сказалъ Степанъ Степанычъ.

— Я не мастеръ, я аптекарь,—обиженно откликается нѣмецъ.

— Ну вотъ еще. Не все-ль равно!

— Нэтъ, не все равно! Это у васъ все равно, а у мине это не все равно....

— Ахъ, господа, вмѣшивается хозяинъ,—оставьте! Такіе славные люди и вдругъ изъ-за таково пустяки... ай, ай, ай!—И онъ качаетъ головой.

— Нэтъ, это, Христіанъ Иван овичъ, не пустяки, это очень даже не пустяки...

— Да я тебя чѣмъ обидѣлъ-то? Ты скажи? Ежели ты въ обидѣ, мы тоже при своемъ капиталѣ удовлетворить васъ можемъ.

— Фуй! Степанъ Степановичъ!

— Нѣтъ ты, Хрисьянъ Иванычъ, погодь маленько, таперь мы тоже въ купечествѣ состоимъ да по первой гильдіи капиталъ объявляемъ.

— Ми тоже Фридрихсгамскій купецъ, вскочивъ со стула, поясняетъ громко аптекарь и всяково выраженій отъ васъ не хотимъ знать. Какъ ви смѣйтъ мине оскорбляйть.

— Оставьте, господа! Ну, бросай, Эдуардъ Василичъ! Сдавайте!...

Эдуардъ Васильичъ усмирившись сдаетъ. Противникъ его Степанъ Степановичъ идетъ одинъ къ столу и подкрѣпляется рюмкой. При розыгрышѣ ремиза всѣ три взятки взялъ Степанъ Степановичъ, обремизивъ двоихъ нѣмцевъ...

— Вотъ мы какъ! А еще аптекарь! Какъ я тебя шелдорахнулъ въ разрѣзъ! А!

— Кого разрѣзать? мине? Никогда! Ты мине никогда не можешь разрѣзать, я тоже отвѣчать буду...

— Да чего же это вы, сударь, горячитесь? поддразниваетъ русскій. Ставьте свой ремизъ — три синенькихъ. Мы опять заберемъ! Эхъ ты, дядя!

— Я не дядя, а я отецъ на своего семействъ! Понимаете, — кричитъ окончательно вышедшій изъ терпѣнія, аптекарь, — да, понимаете и ми себѣ обижать не позволимъ всякого мужикъ... Да! вотъ што!

— Это кто же мужикъ-то? Я? Такъ на-жь тебѣ! — И двѣ колоды картъ летятъ въ физіономію аптекаря. — Ахъ ты...

— О! побагровѣлъ нѣмецъ, — шкандаль? Я здѣсь ни одной минутъ не останусь... Христіанъ Ивановичъ, Sаpperlott! — И неловко направленный шандалъ летитъ мимо головы Степана Степановича и попадаетъ вмѣсто него въ физіономію торговца кожей, рѣшившагося соблюдать нейтралитетъ.

— Herr je! was ist denn das! Зашиво!

И онъ вскакиваетъ изъ-за стола и устремляется на аптекаря... Остальные играющіе вмѣшиваются въ борьбу, происходитъ общая свалка; но послѣ тщетныхъ усилій ничего не могутъ сдѣлать и рѣшаются разъѣхаться по домамъ. Степанъ Степановичъ обращается къ хозяину и произноситъ:

— Не ожидалъ я, что меня такъ у тебя обидятъ. Теперь ноги моей у васъ въ лавкѣ не будетъ, а еще на прошлой недѣлѣ вмѣсто векселя я тебѣ серіями безо всякой скидки уплатилъ!

И, надѣвъ шубу, уходитъ въ числѣ большой части гостей.

Въ одномъ углу сидитъ имянинница и плачетъ; сестра ея вытираетъ облитые столы, а машинистъ хочетъ проститься, но при видѣ состоянія хозяевъ ускользаетъ быстро домой. На лѣстницѣ внизу стоитъ аптекарь и колотитъ себя въ грудь.

— Ми себѣ не дамъ обижать всякого свинья... Ми не дамъ! Нэтъ! О! Нэтъ! онъ кришаль, а ремизъ я все таки не поставилъ! Да! — И онъ быстро уходитъ...

Посреди залы среди обломковъ посуды, свѣчей и разсыпанной закуски стоитъ хозяинъ.

— Шкандаль! Гроссеръ шкандаль! Нэтъ! русскаго шеловѣкъ въ нѣмецкую компанія приглашать не надо! Не надо никогда. Пивъ не пьетъ, а шкандаль дѣлаетъ!

При этихъ словахъ Христіанъ Ивановичъ начинаетъ утѣшать супругу.

— Вотъ-те имянины! произноситъ въ сѣняхъ Петрушка, преобразованный въ лакея, и тихонько стягиваетъ бутылку съ ромомъ изъ отвореннаго буфета.

А. Д—жій.

СТАМБУЛЪ

(Изъ Любоміра Ненадовича).

Вотъ вздрогнули горы и море трепещетъ,
Покрытое тучами, солнце не блещетъ;
И вьются знамена, и слышенъ звонъ-стали:
Дружины Христовы на турокъ возстали.

О, гордый Стамбулъ! приготовься къ кончинѣ, —
Погибнешь ты въ страшной Босфора пучинѣ...
Укоръ для вселенной всей, городъ позора,
За всѣ преступленья отвѣтишь ты скоро!

Не зналъ ты пощады, собой не владѣя, —
И нѣтъ въ цѣломъ мірѣ такого злодѣя...
Великія царства пятой своей грязной
Попралъ ты, проникнутъ враждой безобразной...

Съ людьми поступалъ ты какъ звѣрь, о жестокій!
И лились кругомъ тебя крови потоки...
Готовый на все посягнуть дерзновенно,
Ты даже глумился надъ тѣмъ, что священно...

Мы долго томились въ борьбѣ безотрадной, —
Теперь ты безсиленъ, драконъ кровожадный...
Смотри! Сколько полчищь, всѣ местью объяты, —
Не жди же пощады, о, извергъ проклятый!

Петръ Злобинъ.

 КУПОСТЬ И ГЛУПОСТЬ

ДВѢ КАРТИНКИ.

Любите ли вы, господа, деньги?

— Фи! какой странный, несовременный вопросъ! воскликнетъ на это великосвѣтскій повѣса или модница-красавица, сдѣлавъ кислую гримасу, — можно ли не любить деньги, на которыя достанешь все, что только пожелаешь! Трясните кошелькомъ и къ вашимъ услугамъ явятся и превосходный экипажъ, и богатое платье послѣдней парижской моды, и изысканный столъ, и дорогія вина... Если физіономія ваша не совсѣмъ привлекательна, то косметическіе препараты преобразятъ васъ въ красавца; если вы лишены зубовъ и вашъ подбородокъ цѣлуется съ носомъ, то американскій или египетскій дантистъ украситъ ваши челюсти превосходными перлами; если наконецъ голова ваша, лишенная волосъ, походитъ на

гладко выточенный билліардный шаръ, то сейчасъ же можетъ украситься великолѣпными золотистыми кудрями... Фи! странный, несовременный вопросъ!

— Да, да, странный и, прибавлю, глупый вопросъ! подтвердитъ любитель трынки, банка, штоса, стуколки и макао, герой зеленаго поля, пожавъ съ презрѣніемъ плечами.—Вотъ хоть бы теперь я разбитъ, какъ говорится, въ пухъ и прахъ... но если бы дали мнѣ вчера пять, шесть тысячъ, побѣда осталась бы за мною... это такъ же вѣрно, какъ дважды-два—четыре! Счастье уже начинало улыбаться, фортуна развязывала свой мѣшокъ... и вдругъ такъ оборваться!... Нѣтъ, безъ денегъ играть невозможно!...

— Денезки оцень хоросая стука, рѣдкосцная весць! возгласитъ и честный еврей-закладчикъ, потирая руки и ёжась отъ радости,—на денезку мозно назить есцо денезку, и все карбованцы, все карбованцы... кхе... кхе!... О, Іегова! отцего я не богацъ?

— Ай, ай, ай! какъ же не любить деньги? тяжело вздыхая, протянетъ въ свой чередъ жалобнымъ голосомъ и бѣдный труженикъ, на плечахъ у котораго большое семейство и еще большая нужда,—если бы судьба послала мнѣ хоть малость какую, я, покрайней мѣрѣ, сшилъ бы себѣ къ празднику хоть не мудреное пальтишко, дѣтямъ купилъ бы по рубашонкѣ и парѣ башмаченокъ... Ахъ! какъ бы тогда былъ счастливъ!

Изъ всѣхъ отвѣтовъ приведенныхъ нами личностей можно вывести только одно заключеніе, что деньги милы каждому: однимъ для пустѣйшаго удовольствія, другимъ для исправленія крайнихъ нуждъ.

Теперь позвольте спросить васъ, читатель, зачѣмъ нужны деньги скупцу, не тратящему ихъ на удовольствія и даже отказывающему себѣ въ насущномъ хлѣбѣ?

Неужели этотъ жалкій субъектъ думаетъ, что онъ проживетъ тысячу или болѣе лѣтъ и что деньги будутъ очень нужны ему во второмъ тысячалѣтіи?

Неужели онъ того мнѣнія, что составивъ громадный капиталъ и храня его непроизводительно въ сундукѣ, тѣмъ заслужитъ себѣ всеобщее уваженіе при жизни и добрую память наслѣдниковъ по смерти?

Нѣтъ и нѣтъ!

Скупецъ объ этомъ ровно ничего не думаетъ. Онъ собираетъ деньги и тѣснитъ ближнихъ только для того, чтобъ собирать; увеличиваетъ свой капиталъ, отказывая себѣ въ самомъ необходимомъ, только для того, чтобъ увеличивать.

Странность, непонятная, необъяснимая странность!

Но замѣтьте, что все богатство, такъ тщательно сбереженное, съ такими лишеніями накопленное и такъ страстно лелѣянное, послѣ смерти собирателя, въ большинствѣ случаевъ возбуждаетъ ссору между наслѣдниками, разсѣевается по вѣтру и... и улетучивается.

На эту тему представлю вамъ двѣ картинки, списанныя съ натуры.

КАРТИНКА I.

СКУПОСТЬ.

Яковъ Ильичъ Опенкинъ человѣкъ лѣтъ восьмидесяти, высокаго роста, сутуловатый, худой какъ скелетъ, съ блѣднымъ, покрытымъ глубокими морщинами лицомъ, съ ввалившимися стеклянными глазами, едва выглядывающими изъ подъ густыхъ сѣдыхъ бровей. Огромныя синія очки въ мѣдной оправѣ украшали его носъ, похожій на клювъ хищной птицы. Маленькая головка помѣщалась на длинной худой шеѣ и, лишенная волосъ, походила на ярко вычищенный мѣдный шаръ; она ослѣпительно блестѣла на солнцѣ, когда Яковъ Ильичъ съ кѣмъ нибудь раскланивался. Опенкинъ зимою въ трескучіе морозы постоянно ходилъ въ ватной шинели, до такой степени потертой отъ времени, что никто бы не рѣшился съ точностію опредѣлить, какого именно цвѣта было сукно, когда-то на нее употребленное. Лѣтомъ старикъ носилъ длиннополый желтый нанковый сюртукъ, парусинныя брюки и соломенный картузъ съ такимъ огромнымъ козырькомъ, что уличные мальчишки при видѣ этого козырька всегда кричали: «Глядите, глядите! плыветъ утка... заклюетъ! спасайтесь! Опенкинъ заклюетъ!» Огромное жабо изъ чернаго коленкора высоко подпирало маленькую головку старика и дѣлало физіономію его до невѣроятности гордою, что при важной, размѣренной походкѣ внушало въ жителяхъ города къ нему уваженіе. Зимой Яковъ Ильичъ ходилъ въ худыхъ валяныхъ сапогахъ, лѣтомъ въ одинхъ колошахъ или опоркахъ. Типъ его представлялъ скупца перваго сорта, которому навѣрное позавидовали бы и Гарпагонъ, и Плюшкинъ.

Опенкинъ имѣлъ собственный деревянный домъ въ одномъ изъ грязныхъ переулковъ Замоскворѣчья, но до такой степени обветшавшій безъ ремонтировки, что прохожій всегда обходилъ его стороною, опасаясь быть погребеннымъ подъ развалинами. Вросшій по самыя окна въ землю, онъ поддерживался отъ паденія безчисленнымъ множествомъ подпорокъ, углы его разъѣхались, желѣзная крыша, прогнивъ и проржавѣвъ насквозь, поросла плѣсенью и грибами; рамы вмѣсто стеколъ были украшены стеклянными осколками, соединенными между собою гдѣ замазкой, гдѣ клеемъ, гдѣ ржанымъ хлѣбомъ, въ другихъ же мѣстахъ синею или бѣлою толстою сахарною бумагою. Внутренность дома была не менѣе ветха и также угрожала разрушеніемъ: полы до такой

степени расшатались, что гость, посѣтившій домъ въ первый разъ, навѣрно упалъ бы въ преисподнюю, потому что доски, не утвержденныя гвоздями, отъ неосторожнаго, неопытнаго шага могли опрокинуться однимъ концомъ въ подполье, а другимъ ударить по лбу. Печи, сложенныя изъ кирпича такъ толсто, что никакое количество дровъ не могло бы нагрѣть ихъ, были испачканы грязью, красками и всѣмъ, что только могло касаться ихъ въ теченіе шестидесятилѣтняго существованія. По скупости хозяина и по своему дурному устройству печи эти никогда не давали теплоты для жильцовъ дома, скорѣе дополняя собою бѣдную меблировку комнатъ, состоявшую изъ дюжины соломенныхъ стульевъ съ провалившимися сидѣньемъ, двухъ-трехъ некрашенныхъ столовъ и небольшаго шкафчика для посуды, изобильно покрытаго паутиною.

Дворъ, поросшій рѣпейникомъ, полынью и крапивою, не былъ чищенъ нѣсколько десятковъ лѣтъ; на немъ тамъ и здѣсь виднѣлись громадныя кучи сора, кучи, образовавшіяся отъ выбрасываемыхъ изъ дому капустныхъ кочерыжекъ, картофельной шелухи, ситцевыхъ лохмотьевъ, яичной скорлупы, кожаныхъ обрѣзковъ и тому подобнаго. Въ этихъ кучахъ только не видно было костей и битой посуды, потому что такіе драгоцѣнные предметы всегда бережно сохранялись хозяиномъ и продавались мусорщикамъ, которымъ, скажемъ въ скобкахъ, въ покупкѣ была малая пожива.

Надворное строеніе вполнѣ гармонировало съ жилымъ корпусомъ и всею окружающею его обстановкою. Такъ же ветхое, такъ же грязное, оно, склонившись на одинъ бокъ, казалось просило скорѣйшаго рѣшенія своей участи: или сломки, или перестройки.

Кто былъ Яковъ Ильичъ Опенкинъ и какими судьбами явился онъ въ грязномъ переулкѣ Замоскворѣчья владѣльцемъ древняго дома, рѣшительно никто не зналъ. Многіе любопытные желали проникнуть въ прошедшее старика, но труды ихъ были напрасны. Знали только, что онъ считался купцомъ, что пріѣхалъ въ столицу изъ какого-то отдаленнаго провинціальнаго городка, былъ вдовъ, имѣлъ внука и внучку, жившихъ съ нимъ,—и только. Впрочемъ, знали еще, что онъ страшный скряга, человѣкъ богатый и даетъ деньги подъ всевозможные ручные залоги, не гнушаясь жестянымъ ведромъ безъ дна и однимъ сапогомъ безъ голенищъ.

Обрисовавъ жизнь и портретъ старика, постараемся теперь поближе познакомиться съ нимъ.

Далеко за полночь. На Спасской башнѣ московскаго Кремля пробило три, и дребезжащіе звуки, пронесясь по окрестностямъ, замерли въ воздухѣ...

Далеко за полночь!... Все тихо. Въ мертвенное безмолвіе погружена столица, еще за нѣсколько часовъ такъ оживленная, такъ бѣсновавшаяся, точно школьникъ, только что сейчасъ выбѣжавшій изъ училища и избавившійся ферулы строгаго наставника.

Москва походила на городъ, обращенный въ непробудный сонъ, по мановенію сказочнаго Кащея.

Сильный порывистый вѣтеръ проносился по безлюднымъ улицамъ, жалобно завывалъ въ трубахъ и съ остервенѣніемъ рвалъ желѣзныя крыши и вывѣски; крупный косой дождь барабанилъ въ окна и, падая на мостовую, образовывалъ гдѣ ручьи, гдѣ рѣки, а гдѣ и обширныя озера, дѣлавшія всякое движеніе по улицамъ невозможнымъ. Газовые фонари едва мелькали во мракѣ, ночные сторожа и бдительные полиціанты, закутавшись въ армяки и шинели, сладостно спали подъ шумъ непогоды въ сторожкахъ и будкахъ, и самыя собаки, которыми такъ богата Москва, попрятались въ конуры на дворахъ своихъ хозяевъ.

Въ такую-то бурную ночь, въ отдаленной комнаткѣ ветхаго домика, выходящей окнами на грязный дворъ, не смотря на позднее время, мерцалъ огонекъ.

Тамъ на истасканномъ, набитомъ мочалою, тюфякѣ, подъ одѣяломъ, сшитомъ изъ разноцвѣтныхъ ситцевыхъ лоскутьевъ, лежалъ дряхлый старикъ и болѣзненно стоналъ. Лысая голова покоилась на кожаной подушкѣ и отъ свѣта лампадки, зажженной въ углу предъ иконою, блестѣла, точно металическій шаръ; глаза, глубоко скрываясь во впадинахъ, какъ-то мутно вращались во всѣ стороны; осунувшееся морщинистое лицо имѣло синеватый оттѣнокъ и выражало сильное страданіе.

У изголовья, на соломенномъ стулѣ, сидѣлъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти и, пригнувшись къ больному, жадно вслушивался въ его лепетъ.

Лежавшій въ постели былъ старикъ Яковъ Ильичъ Опенкинъ, а сидѣвшій на стулѣ его закадычный другъ, Василій Саввичъ Коробьевъ.

Въ комнатѣ царствовала могильная тишина, прерываемая только по временамъ глубокими вздохами и страдальческими стонами больнаго или воемъ вѣтра и шумомъ дождя, стучавшаго въ окна.

Но вотъ старикъ, кряхтя, повернулъ голову къ гостю и едва внятно произнесъ:

— Другъ... Василій... Василій Саввичъ... пришло времечко... пришло... чувствую полное ослабленіе... чувствую, что вотъ тутъ у меня въ груди... лежитъ какой-то камень... большой, тяжелый камень... и сильно... охъ, какъ сильно давитъ меня... намъ нужно разстаться...

— Попробуйте пригласить доктора... вотъ здѣсь недалеко, на углу живетъ превосходный докторъ... его хвалятъ... онъ вамъ поможетъ, отвѣтилъ въ утѣшеніе собесѣдникъ, показывая въ окно рукою то мѣсто, гдѣ по его мнѣнію живетъ хваленый Эскулапъ.

— Поможетъ!... гмъ... поможетъ!... Нѣтъ, отъ смерти не вылѣчитъ!... пригласи... дастъ какихъ нибудь пилюль... кислой микстуры... еще хуже разслабитъ тѣло... а за визитъ и лѣкарство плати... потомъ повадится ѣздить.. опять плати... за пилюли плати... за все... нѣтъ, вѣрно приходитъ часъ смертный... помочь невозможно... и дряхлъ... и старъ... два вѣка жить нельзя...

— Яковъ Ильичъ, побойтесь Бога! зачѣмъ такъ отчаяваться?... вамъ жить еще слѣдуетъ... у васъ внукъ, у васъ внучка, люди молодые... нуждающіеся въ руководителѣ... у васъ наконецъ другъ, преданный всею душою.

— Смерть... родства и дружбы... не признаетъ!... Что-жь? ну, умру!.. Сергѣю скоро тридцать... Меланьѣ двадцать шесть... не малолѣтные... опять же и ты, Василій Саввичъ, надѣюсь... да, надѣюсь, замѣнишь имъ меня... Я также тебя не забылъ въ завѣщаніи... Охъ, какъ тяжело умирать!.. Приложи руку къ моему сердцу... что?... такъ ли оно бьется, какъ билось прежде?... Не оставь, Василій Саввичъ, внуковъ своими совѣтами.. Сергѣй любитъ иногда кутнуть... я замѣчалъ... повадился пить чай... ходитъ въ трактиръ... завелъ знакомыхъ... пожалуйста, смотри... совѣтуй... Но если, охъ!... если нажитое мною съ такими лишеніями, кровавымъ потомъ нажитое состояніе да пойдетъ на вѣтеръ?... тогда зачѣмъ только я трудился, зачѣмъ не спалъ ночей? зачѣмъ собиралъ его?... Мотовство потрясетъ мои кости въ могилѣ... заставитъ меня страшно страдать... Зачѣмъ только тогда я жилъ?.. зачѣмъ, зачѣмъ я жилъ?!

Въ эту минуту, какъ бы въ отвѣтъ на вопросъ старика, подъ окномъ спальни раздалось карканье ворона.

На востокѣ показались первые отблески утренней зари.

— Чу! слышишь, Василій Саввичъ? спросилъ испуганный больной, затрепетавъ всѣмъ тѣломъ, — слышишь? каркаетъ? хищный вранъ каркаетъ! онъ чуетъ добычу...

— Какія у васъ мрачныя мысли!... Зачѣмъ такъ себя тревожить?... Вы усиливаете свою болѣзнь.

— Нѣтъ, крикъ ворона — вѣрная примѣта. Прощай, Василій Саввичъ... прощай, мой другъ... обними меня...

И старикъ потянулся къ пріятелю, дрожащими руками прижалъ его къ изсохшей груди и напечатлѣлъ на щекѣ ледяной поцѣлуй.

— Исполнишь ли... исполнишь ли мою просьбу?.. едва внятно шепталъ онъ, — ты не покинешь моихъ внуковъ? ты замѣнишь имъ дѣда?

— Дружба моя будетъ неизмѣнною, Яковъ Ильичъ...

— Позови же... позови ихъ... пусть простятся со мною... я чувствую приближеніе смерти... въ глазахъ туманъ... прощайте!

Василій Саввичъ бросился изъ комнаты, чтобы позвать внуковъ къ одру умирающаго дѣда.

Опенкинъ слабѣлъ съ каждою минутою; его руки и ноги были холодны, какъ ледъ; на лбу крупными каплями выступилъ потъ; грудь высоко вздымалась; глаза неподвижно смотрѣли въ потолокъ на одну точку.

Наслѣдники явились.

Больной очнулся на нѣсколько мгновеній, протянулъ къ окружавшимъ правую руку и, какъ бы ихъ благословляя, едва слышно прошепталъ:

— Живите счастливо... любите другъ друга... молитесь за грѣшника... Смотрите, не транжирьте деньги... наращивайте... берегите ихъ... какъ берегъ вашъ дѣдъ... на...ра...щи...вай...те...

Тутъ старикъ обезсилѣлъ и голова его упала на подушку. Онъ метался по постели и, какъ бы отъ чего-то отмахиваясь руками, глухо стоналъ:

— Воронъ!... черный воронъ!... вотъ онъ... вотъ онъ... каркаетъ мнѣ въ ухо... рѣжетъ когтями мясо... Батюшки! прогоните его .. прогоните!... Клюетъ мнѣ грудь... вынимаетъ деньги... грабитъ... грабитъ!... Милые мои, заступитесь!

И умирающій зарыдалъ какъ ребенокъ и, схвативъ себя за грудь, силился кого-то съ нея сбросить.

Съ каждою минутою лепетъ его становился все невнятнѣе и невнятнѣе, рыданія все глуше и глуше...

Но вотъ старикъ вытянулся во весь свой ростъ.

Лицо его имѣло блѣдно-синеватый оттѣнокъ.

Стеклянные глаза, неподвижные, и безсмысленные смотрѣли куда-то вдаль... Дыханіе было прерывисто и тяжело... Хрипота и свистъ раздавались въ горлѣ.. Наступила агонія...

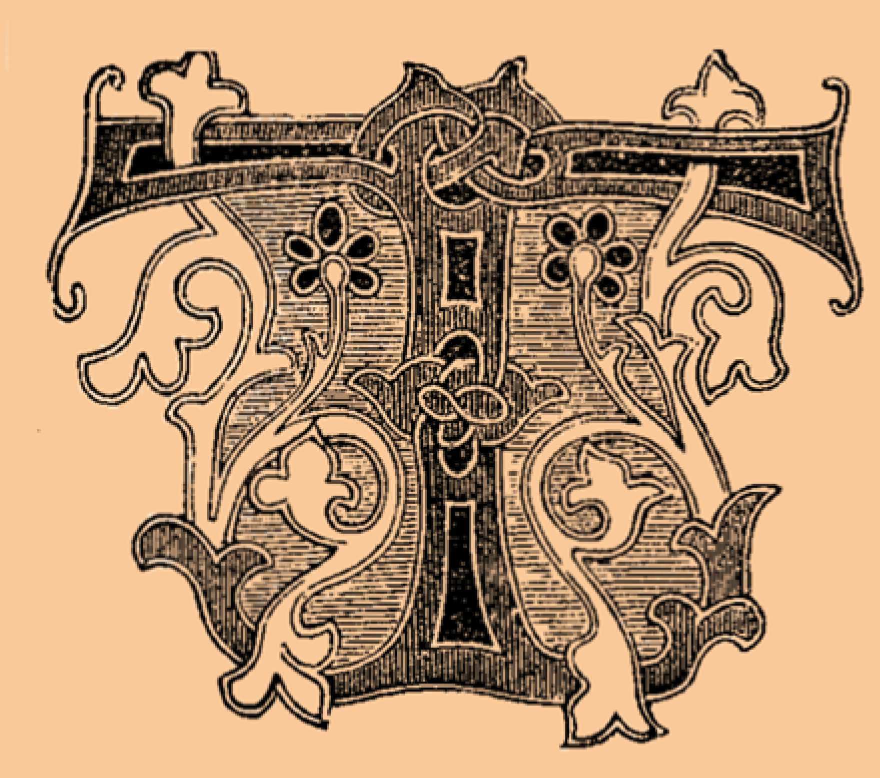
Чрезъ часъ его уже не было на свѣтѣ.

Ужасна картина смерти, трогательна разлука любимаго человѣка съ своими родными, съ своею семьею, — но впятеро, вдесятеро ужаснѣе и трогательнѣе смерть столь привязаннаго къ жизни скряги старика, поставлявшаго себѣ задачею въ теченіе всей жизни только лишь одно копленіе богатства. Онъ разстался теперь съ самымъ дорогимъ его сердцу, съ своимъ кумиромъ, которому усердно поклонялся, который любилъ такъ страстно, такъ безумно и вдругъ потерялъ такъ неожиданно, навсегда и безвозвратно...

Пожилъ ты, Яковъ Ильичъ, не мало, достигъ маститой старости, удвоилъ, утроилъ свой капиталъ и вотъ внуки твои и знакомые проводили тебя въ послѣдній твой покой, гдѣ земныхъ страстей не существуетъ, гдѣ нѣтъ ни печалей, ни воздыханія.

А. Метельковъ.

(До слѣдующ. №).

ЕЛЕГРАММЫ

ОТЪ РАЗНЫХЪ КОРРЕСПОНДЕНТОВЪ.

ИРБИТСКАЯ ЯРМАРКА. Московскіе коммерсанты купно съ гуслянами и казанцами готовятъ масляничную лодку, разукрашенную флагами, въ которой будутъ кататься по ярмаркѣ на масляницѣ съ музыкой и пѣснями; флаги заказаны, арфистки и музыканты приглашены, барабановъ оказалось мало, за ними послали нарочнаго въ Пермь. По окончаніи катанья предполагаютъ устроить въ клубѣ взятіе Плевны и переходъ черезъ Балканы. Надѣются, что нынѣшнее гулянье будетъ много безобразнѣе прошлогодняго. Молитесь, жены, чтобы чортъ не сломилъ шеи вашимъ мужьямъ и лѣшій бы ихъ куда не унесъ послѣ перехода чрезъ Балканы.

—

ОТТУДА ЖЕ. Банкетовская крѣпость сильно аттакуется съ вечера до утра каждую ночь. Одинъ московскій гусь сильно ее осаждалъ, но отступилъ съ потерею шести тысячъ выстрѣловъ изъ кармана, и носу болѣе не показываетъ послѣ этого въ крѣпость.

—

ОТТУДА ЖЕ. Сибирскаго песочку въ привозѣ немного, да и тотъ заказной,—прямо доставляется на руки. Къ концу ярмарки ждутъ подвоза не заказнаго: покупателей на него много.

—

ХАРЬКОВЪ. У насъ одна дама по обѣщанію Осману пашѣ вышиваетъ феску золотомъ.

С. В. Шумскій.—Общество драматическихъ писателей.—Сочувствіе харьковской труппы.—Первый камень для памятника Шумскому.—Юбилей г. Григоровскаго.—Вечеръ въ пользу Общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ.

Многими москвичами не скоро забудется день 8-го февраля 1878 года,—день погребенія Сергѣя Васильевича Шумскаго. Артиста, столько лѣтъ украшавшаго русскую драматическую сцену, Москва не увидитъ болѣе. Еще одно великое имя вычеркнуто изъ списковъ московской драматической труппы и съ тѣмъ вмѣстѣ труппа эта на долго, на долго лишилась своего имени первой труппы въ Россіи. Какая незамѣнимая утрата! Съ потерей Шумскаго измѣняется вся физіономія труппы Малаго театра... И какъ неожиданно это совершилось. Москва знала, что Шумскій боленъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ близкихъ кружкахъ было извѣстно, что имъ приготовлены нѣкоторыя новыя роли; мысль о скорой кончинѣ великаго артиста никому не приходила въ голову и вдругъ...

Утрата вновь для нашей сцены!
Угасъ еще великій духъ,
Еще въ чертогѣ Мельпомены
Одинъ изъ свѣточей потухъ!
Москва дрожащею рукою
Надъ нимъ вѣнокъ прощальный вьетъ
И гробу темному съ тоскою
Свѣтъ русской сцены отдаетъ.

Тяжелый моментъ! На столько тяжелый, что всѣ какъ будто потерялись, когда зарывали гробъ. Ждали рѣчей, и никто, исключая двоихъ, не сказалъ ничего... Каждый какъ бы сознавалъ, что короткая надмогильная рѣчь недостойна великой памяти Шумскаго.

Среди вѣнковъ тистическаго Кружка, отъ театра Буффъ, отъ студентовъ, присяжныхъ повѣренныхъ и другихъ, тщетно было бы искать ного вѣнка. Странно, но *на погребеніи С. В. Шумскаго вѣнка отъ Общества драматическихъ писателей не было!* А между тѣмъ многія піесы держались на сценѣ исключительно талантомъ покойнаго. Выходитъ, что покойный артистъ

могъ дать имя и славу многимъ авторамъ, а наши современные драматическіе писатели доказали, что они вѣнчать артистовъ не могутъ.

Я лишь одно сказать имѣю,
Не заходя сужденьемъ въ даль:
Я очень Шумскаго жалѣю,
Но и писателей мнѣ жаль...

Почитатели таланта покойнаго артиста сообщили извѣстіе о его кончинѣ по телеграфу въ провинціальныя труппы, предлагая желающимъ принять участіе въ отданіи послѣдняго долга покойному поднесеніемъ вѣнковъ. Между прочими заслуживаетъ вниманія отвѣтъ изъ Харькова, телеграфированный г-мъ Форкатти, режиссеромъ тамошней труппы. Вотъ этотъ отвѣтъ: *«Предлагалъ: сочувствія никакого, посылаю отъ себя пять рублей»*. Что это такое? Перепуталъ ли телеграфъ, не вѣрно ли переданъ отвѣтъ г. Форкатти, или дѣйствительно харьковская труппа могла такъ отнестись къ памяти покойнаго?

Изъ Саратова тридцать рублей на вѣнокъ Шумскому пришли по окончаніи погребенія. На увѣдомленіе о томъ, что деньги посылаются обратно, былъ полученъ отвѣтъ: «Деньги не возвращайте, пусть это будетъ первый камень памятника Шумскому».

21-го февраля, во вторникъ на Сырной недѣлѣ, въ клубѣ прикащиковъ назначено празднованіе тридцатилѣтія сценической дѣятельности артиста-чтеца Ивана Алексѣевича Григоровскаго. Составъ вечера пока неизвѣстенъ, но долголѣтняя опытность г-на Григоровскаго ручается, что спектакль будетъ интересенъ и не заставитъ скучать публику. Какъ слышно, одною изъ піесъ спектактя будетъ «Станціонный смотритель», а также предполагается большой дивертисментъ.

На Сырной же недѣлѣ, на Тверской, въ домѣ Малкіеля, гдѣ помѣщался Англійскій клубъ, предположено дать два вечера въ пользу Общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ, съ аллегри въ пользу вдовъ и сиротъ моряковъ, погибшихъ въ войнѣ съ Турціей. Кромѣ того въ пятницу утромъ будетъ данъ дѣтскій балъ съ сюрпризами. На вечерахъ будутъ поставлены живыя картины. Кромѣ того въ составѣ вечеровъ примутъ участіе г-жи Куглеръ-Соколова и Бѣльская, гг. Соколовъ, Правдинъ и Пушкинъ, оркестръ г-на Рябова и хоръ пѣвцовъ г-на Пригожаго.

— ковъ.

НАШИ УТНИКИ

(корреспонденція изъ Саратова).

Какъ и въ каждомъ благоустроенномъ градѣ, такъ и въ нашей столицѣ, между прочими увеселительными мѣстами, гдѣ бы наши граждане могли весело проводить свои часы отдохновенія, есть и театръ. И надо отдать справедливость: театръ наши граждане предпочитаютъ всѣмъ другимъ удовольствіямъ и посѣщаютъ его весьма усердно. Но не о томъ рѣчь.

Кромѣ административнаго надзора за всѣмъ происходящимъ въ семъ храмѣ Таліи и Мельпомены, существуетъ у насъ еще свой театральный комитетъ.

Въ силу чего онъ существуетъ и кѣмъ онъ утвержденъ, я, грѣшный человѣкъ, каюсь—не знаю. Знаю только одно, что ему (т. е. комитету) предоставлены громадныя права. Члены комитета имѣютъ право вмѣшиваться во все: въ хозяйственное управленіе, въ репертуаръ, увольнять почему либо не понравившихся ему артистовъ (съ однимъ артистомъ такой казусъ ужь и случился,—уволили: носъ, говорятъ, широкъ оказался!) и т. п. Даже чуть ли не предоставлено право членамъ комитета заглядывать и въ частную жизнь артистовъ: слѣдить за ихъ нравственностью, знать, сколько каждый выпиваетъ за ужиномъ рюмокъ водки и т. п. Вообще антрепренеръ и актеры находятся въ полной зависимости отъ членовъ сего пресловутаго комитета. Получаютъ ли члены окладъ за свой толико многосложный трудъ и какой—тоже не знаю; но полагаю, что получаютъ и получаютъ не мало. Но дѣло все-таки не въ этомъ, а вотъ въ чемъ:

По контракту съ Думой антрепренеръ обязанъ имѣть въ числѣ труппы одну танцовщицу для дивертисментовъ. Была ли приглашена антрепренеромъ танцовщица и не пріѣхала, или не была—навѣрное не знаемъ; знаемъ только одно, что танцовщицы у насъ нѣтъ.

Театральный комитетъ возмутился. Первымъ дѣломъ сейчасъ заявленіе въ Думу, съ предложеніемъ выписать на счетъ антрепренера танцовщицу. Предложеніе принято благосклонно. Вопросъ остановился только за тѣмъ: откуда и кого пригласить? Одинъ изъ членовъ и тутъ ни мало не растерялся:

— Я, говоритъ, господа, съ своей стороны предлагаю пригласить «*саму Нильсону*».

Всѣ такъ и рты разинули. На всѣхъ столбнякъ нашелъ. Четверть часа слова никто выговорить не могъ.

Наконецъ, кое-какъ собравшись съ духомъ, нѣкоторые начали доказывать предложившему «саму Нильсону», что Нильсонъ пѣвица, а не танцовщица.

— Эфто не важность,—ничуть не сробѣвъ, промолвилъ членъ,—дать ей тыщу въ мѣсяцъ и запляшетъ. Потому ихъ должность такая, на томъ стоятъ.

Было ли принято предложеніе пригласить «саму Нильсону», навѣрное сказать не могу. Но все можетъ быть. Можетъ быть и мы въ недалекомъ будущемъ, благодаря усердію членовъ комитета, будемъ зрѣть у себя «саму

Нильсону», отхватывающую въ дивертисментахъ какое нибудь замѣчательное па.

—

Въ числѣ нашихъ образовательныхъ учрежденій, именуемыхъ гимназіями, пансіонами и школами,—есть одно училище. Сей питомникъ нашихъ будущихъ великихъ гражданъ содержится на счетъ общества купцовъ и мѣщанъ.

Недавно попечительство сего училища обратилось къ великодушію города о сложеніи съ него сего тяжелаго бремени, мотивируя отказъ свой тѣмъ, что оно значительно истратилось на постройку громаднаго каменнаго дома и посему проситъ принять городъ будущихъ великихъ мужей подъ свое отеческое покровительство.

Не смотря на краснорѣчивую просьбу попечительства, городъ въ ходатайствѣ ему отказалъ; а одинъ изъ гласныхъ уполномоченнымъ даже рѣчь сказалъ: «что-де, говоритъ, для васъ выгоднѣе: строить ли доходные дома и видѣть своихъ дѣтищь неучами, или на оборотъ?» И въ концѣ концовъ посовѣтовалъ имъ хорошенько сначала пообдумать, а потомъ ужь и подавать заявленіе. Радѣтели просвѣщенія, по малому размышленію, съ рѣчью ратора согласились: дѣйствительно, молъ, надо пообдуать, что выгоднѣе: строить ли каменные дома, или учить ремудрости чадъ своихъ?

Не знаю, къ какому выводу привело ихъ размышеніе, но ужь и то хорошо, что рѣшились покрайнѣй ѣрѣ подумать. Все-таки не съ разу.

—

Недавно въ одномъ изъ нашихъ мѣстныхъ органовъ чати была напечатана статья о нашемъ городскомъ равленіи, о порядкахъ и проч. Между прочимъ въ тьѣ было помѣщено слѣдующее:

«Вся ея (городской Думы) дѣятельность руководуется личными интересами отдѣльныхъ городскихъ ротилъ, словомъ сказать,—саратовская городская Дума одобляется конюшнѣ царя Авгіаса, очищеніе корой включено въ число одвиговъ, совершенныхъ мическимъ героемъ Геркулесом». («Саратовскій Дневкъ» № 24).

Прочтя такое лестное сравненіе, нѣкоторыхъ изъ асныхъ передернуло. Одного даже въ потъ ударило.

— Какъ, говоритъ,—мѣсто нашего засѣданія назызть конюшней, а насъ... Нѣтъ! Этого такъ оставить ельзя... Надо редактора привлечь къ отвѣтственности! одъ судъ его! подъ судъ!...

Нѣкоторые изъ болѣе хладнокровныхъ, совѣтовали ставить все это дѣло втунѣ; «плюнуть,—говорятъ, на го дѣло, отвѣтить презрѣніемъ»! (Ей-Богу! одинъ такъ сказалъ: «отвѣтить на эфту статью презрѣніемъ!»).

Другая половина съ такимъ мудренымъ рѣшеніемъ не соглашалась. Стояла на своемъ.

Рѣшили предложить вопросъ на баллотировку, начали баллотировать и... о чудо чудное! диво дивное!... большинствомъ рѣшено: сравненіе нашей мудрильницы (такъ мѣстные шутники прозвали Думу) съ конюшней, а возсѣдающихъ въ ней мудрилъ съ тѣмъ, отъ чего Геркулесъ очистилъ конюшню царя Авгіаса,—оскорбленіемъ не считать и иска къ редактору не вчинять.

Мнѣ передавали за достовѣрное, что половина гласныхъ, видѣвшихъ въ статьѣ оскорбленіе, хочетъ обратиться къ другой половинѣ, плюнувшей на это дѣло, съ просьбою дозволить снять съ себя фотографическія карточки и повѣсить оныя въ залѣ Думы вмѣстѣ съ мудрымъ рѣшеніемъ на память потомству.

Я, грѣшный человѣкъ, предложеніе увѣковѣчить столь мудрое рѣшеніе одобряю: пусть наши внуки и правнуки увидятъ, что за мудрыя головы управляли городскимъ благосостояніемъ нашей столицы въ концѣ XIX вѣка.

М. Итадног.

СТРАННО

На диванъ въ вагонѣ ноги
Протяните-ка хоть разъ,—
Власти мѣстныя такъ строги,
Что замѣтятъ вамъ тотчасъ;
Протяни при столкновеньи
Тамъ же ноги—не бѣда:—
Странно!—по обыкновенью
Не замѣтятъ никогда.

Житель выкинетъ небрежно
Соръ на улицу у насъ,
То замѣтятъ неизбѣжно
Строго въ томъ ему тотчасъ;
Но въ ухабъ изъ экипажа
Если *выкинетъ* его,
Странно это, очень даже—
Не замѣтятъ ничего.

Если съ палубы въ каюту
Пассажиръ пойдетъ простакъ,
ему такъ люто

Капитанъ
То замѣтитъ навѣр
Съ пароходомъ если-жь
Онъ на дно *пойдетъ*, тогда
Странно,—но повѣрьте чести,
Не замѣтятъ никогда.

Мысли великаго Конфуція,

высказанныя имъ при жизни, собраны и въ порядокъ приведены философомъ Изподтишкинымъ.

Ростовщикъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ кукишемъ; а они краснѣть неспособны, но многіе краснѣютъ, ідя ихъ.

—

Экономъ походитъ на распущенный во время дождя нтикъ; оба они, принимая много, даютъ капли тому, му служатъ.

—

Адвокатъ отличается отъ штановъ тѣмъ, что штаны рещатъ, когда рвутся, а адвокатъ трещитъ, когда платятъ.

—

Чтобы не тянуть долго болѣзнь, слѣдуетъ меньше латить за визитъ доктору

—

приказаніе умнаго, нежели просьбу

Высокая. Мнѣ странно отъ тебя слышать, что мужъ твой тебя не слушается: значитъ, ты не умѣешь съ нимъ справиться. Вотъ мой такъ у меня въ полномъ повиновеніи: онъ сознаетъ силу .....моихъ убѣжденій.

Вакантныя мѣста

Смерть неустанно умножаетъ вакантныя мѣста въ московской драматической труппѣ! Вотъ и еще вакантное мѣсто премьера нашего театра С. В. Шумскаго свободно и останется навѣрное навсегда въ глазахъ публики свободнымъ, хотя по репертуару и замѣнено сейчасъ же г-мъ Дурново, который сыгралъ уже одну роль покойнаго въ «Злобѣ дня» съ должнымъ апломбомъ. За послѣднее двадцатипятилѣтіе первое крупное вакантное мѣсто явилось со смертію П. С. Мочалова; вотъ прошло 25 лѣтъ и мѣсто его остается вакантнымъ: его никто не замѣнилъ, да кажется и далекомъ будущемъ не видится надежды на заму. Оставила сцену Сабурова, мѣсто ея замѣнила г-жа Акимова; но увы! кто помнитъ покойную Сабурову въ тѣхъ роляхъ, которыя послѣ нея играла и играетъ г-жа Акимова, мѣсто Сабуровой считается въ глазахъ ихъ вакантнымъ. Оставили московскую сцену Рѣпина и Орлова, мѣсто первой въ репертуарѣ остается до сихъ дней незамѣненнымъ, мѣсто Орловой долго оставалось вакантнымъ

ПИСЬМО 3.

Отъ учителя химіи къ своему кредитору.

Милостивый Государь!

Если произвести анализъ моего кармана, то органическія вещества онаго выразятся въ видѣ 0, вотъ почему я до сихъ поръ не могу убавить удѣльный вѣсъ моего долга Вамъ. Давно уже колба и реторта моего кармана и другихъ сосудовъ не содержатъ въ себѣ денежнаго кислорода, а даютъ одинъ азотъ и азотъ. Изъ уроковъ моихъ выдѣляется одинъ углекислый калій и уже три года, какъ у меня не охлаждалось ни серебро, ни золото, и если имѣю что сребровидное, то это только ртуть въ трубкѣ стараго термометра, да платиновый циферблатъ испорченныхъ часовъ, другихъ же металловъ ни въ расплавленномъ видѣ, ни въ твердомъ не имѣю. Повѣрьте, что мой долгъ Вамъ лежитъ у меня на душѣ какъ окись свинца или олова и я бы очень желалъ превратить его въ какой либо, хоть сѣрный, эфиръ или алькоголь. Я знаю, что долгъ мой отъ теплоты лежанія у Васъ все расширяется, и хотя сердце мое отъ этого сжимается, но что же дѣлать, когда мои финансы показываютъ температуру 10 градусовъ ниже нуля по Реомюру, а иногда доходятъ и до точки замерзанія? а требованіе на благородный металлъ всегда на точкѣ кипѣнія по Ц., Р. или Ф.

По этому не будетъ ли такъ ковко ваше сердце и не пришлете ли хоть малую пропорцію серебра или другаго какого либо благороднаго металла для поддержанія моей плотности, а то я чувствую, что изъ твердаго тѣла становлюсь жидкимъ и пожалуй превращусь въ эфиръ.

Готовый для Васъ хоть въ горнъ

Химикъ Секундъ Флоровъ Іодовъ.

P.S. Можете прислать хоть азотно-кислаго серебра,—его знакомому фотографу продамъ.

Нашелъ А. Д—жій.

ЗАГАДКИ

Ахъ, Дождусь-ли Воровства Ог[illegible]
[illegible]ѣви Трудно!

—

Эхъ, Какъ Отлично Наживусь О[illegible]

—

Господи! Лѣнь, А Сиди—Нуж[illegible]
[illegible]ю Участь. Ну, Ерунда! Хочет[illegible]
[illegible]дить Себя?—Я Вѣдь Давно. У[illegible]

Эпидемія Страхъ Какъ Убиваетъ Людей, А Полезна...

—

Дефицитъ Иногда Радостенъ, Если Касса Товарищескимъ Образомъ Раздѣлена Близкими, А Нѣтъ—Кричи: Аминь...

—

Разсчетъ Оставить Себѣ Тихонько Отличную Вещь—Щадить—Истинно Канитель...

—

Антрактъ Когда?—Тверда Едва Роль.

Артистъ Роль Творитъ; — Искусство Сильно Творчествомъ.

—

Какая Адская Способность:—Схапалъ И Рысью.

—

Шельма Узнаетъ Людей Легко, Едва Раскланяется.

—

Твердо Увѣрены Русскіе—Капутъ Исламу.

—

Какъ Аллахъ Русскимъ Способствуетъ!

—

Горе! Аллахъ Мнѣ Испытаніе Даетъ.

(Разгадка въ заглавныхъ буквахъ).

Кетти Кингъ.

МЕЖДУ ПРОЧИМЪ...

(шутки, анекдоты, каламбуры, изреченія, невинныя шалости и проч.).

Многіе публицисты и искусные плуты имѣютъ много общаго между собою: и тѣ и другіе легко за все берутся.

—

Иногда и совершенно *здоровому* субъекту приходится *проглотить пилюлю.*

Въ чемъ заключается сходство между насѣдкой и острожникомъ?

Оба *высиживаютъ*: первая—циплятъ, второй—извѣстный срокъ.

—

Лучше *пасть* свиней, нежели быть баричемъ и *пасть* окончательно.

—

Пресловутый премьеръ Англіи Биконсфильдъ слишкомъ деретъ носъ, а потому надо просить *у рока*, чтобы онъ далъ ему два-три хорошихъ *урока*.

—

Кто слишкомъ горячится и *выходитъ* изъ себя, у того ничего не *выходитъ*.

Пьеръ Каламбуровъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Редакторъ-Издатель Ѳ. Б. Миллеръ.